

Е. Счастливецва

ПУТЕШЕСТВИЕ

из пункта А

в пункт А

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Счастливицева

Путешествие из пункта А в пункт А

«Автор»

2024

Счастливецва Е.

Путешествие из пункта А в пункт А / Е. Счастливецва —
«Автор», 2024

«Путешествие из пункта А в пункт А» – юмористический приключенческий роман. Текст смешон и необычен по форме: его главные герои в значительной степени не являются таковыми, а лихо закрученная сюжетная линия необходима для связки, как лирических отступлений и экскурсов в прошлое, так и самостоятельных рассказов. События текста происходят до 202 года . Они разворачиваются в пятницу вечером и заканчиваются в воскресенье. Главные герои – уволенная продавщица Люська, охранник Коля и безработный ученый Рома, впавший в зависимость от своей сумасшедшей идеи. Ученый задумал совершить цепь рукотворных катастроф, из которых каждая последующая является следствием предыдущей. Главные герои отправляются в путь, чтобы предотвратить бедствия. По их следам идут террористы и силовики. Все они попадают в нелепые и комичные ситуации. Герои пересекаются с многочисленными второстепенными персонажами. Именно к последним приковано внимание автора. Текст был напечатан, журнал "Гостинный дворъ", №2, 2022г.

© Счастливецва Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. В дозоре	5
Глава 2. Всё на продажу	8
Глава 3. На троих	11
Глава 4. Поехали!	18
Глава 5. Срезали!	20
Глава 6. По просторам	23
Глава 7. Наследник прошлого, очаг культуры	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Счастливецова

Путешествие из пункта А в пункт А

Глава 1. В дозоре

Пятница, середина дня

– А-а-а-а-а! – две тёплые слезы выкатились из Колиных глаз. – А-а-а-а-а! – и за ними по щекам покатились следующие. Рот его раскрывался шире, шире, пока под ухом что-то не хрустнуло. Коля зевал – он работал. Работал он охранником, сторожем, как раньше говорили, но был не сухоньким дедком с козлиной бородкой, а крепышом репродуктивного возраста.

Коля глубоко вздохнул: мучительно болели правое и левое полушария ягодиц, они одеревенели от работы. Заканчивались сутки. Скоро зайвится сменщик, Палыч. Будет делать то же самое. Далее Палыч передаст вахту Жеке, а тот Серёге. Вчетвером они стерегли дом днём и ночью. Владелец дома упорхнул ещё в 90-е годы в одну из двух столиц, но родину не забыл, застолбил участок, воздвигнув резиденцию в полном соответствии с пацанским пониманием прекрасного: с башенками, куполом, облицовочным камнем – блестящим, нескольких сортов, и окнами, взирающими на мир стёклами тёмно-синего цвета. В общем, превесёленький получился домик, оттянулись зодчие, угождая заказчику, откреативили и повеселились по полной. Главный архитектор города, блестящий выпускник танкового училища, крякнул, но подписал фасады из уважения к деньгам застройщика.

Но чем далее возводился дом, тем менее в нём нуждался владелец, а отстроенный, он представлял из себя уродливый памятник давно забытой жизни, самых истоков эпохи первичного накопления капитала. Не тянуло уже владельцев возведённых шато, исцеляя детские психотравмы, победоносно заглянуть к жертвам педообразования с вопросом: «Ну, чья взяла, эвглена ты зелёная?», в других они витали сферах, высших. Не жил в подобных уродцах никто и никогда, и при этом они отапливались и регулярно убирались, абсолютно пустые, без мебели, со стенами, выкрашенными водоэмульсионкой, однако город получил несколько рабочих мест, одно из которых занял Коля. И, чтобы не слишком скучать на службе, призвал на неё пса.

Пару лет назад во дворе Колиного дома появились милые щеночки, они жались друг к другу на крышке люка парового отопления, пробившей проталину в покрывающей асфальт ледяной корке. Откуда пришли малыши к люку и почему остались одни – неизвестно. Большеголовые, с шелковистым мягким подшёрстком, с чёрными бусинами глаз, они вызвали жалостливое умиление у жителей окрестных домов. Шло время, очаровательные щеночки превратились в упитанных дворняг, у них появились миски с горами еды и две будки, завешенные кусками старых паласов. По пути в магазин можно было видеть их, лежащих на газонах то на правом, то на левом боку. Иногда какая-нибудь из псин приподнимала голову на зов запахов из проносимых сумок, но снова в изнеможении засыпала.

Сытая и мирная жизнь оборвалась, когда к собакам пристроились такие же, как они, и образовалась стая, готовая для стерилизации или отстрела. Тогда-то Коля из мужской солидарности и забрал первого попавшегося кобеля к себе на работу, нарёк его заграничным именем Джерри и предложил кормёжку от сдохшего материнского кота. Рука у Коли не поднималась целый мешок с кормом выбрасывать. Можно подумать, этого кобеля заставляют грызть кошкину жрачку! Не нравится – топай в другое место, никто тебя не держит! Но Джерри не уходил, накрепко повязанный едой, он стойко жевал кошачий корм, а что не удерживалось зубами и падало на асфальт, то склёвывали караулившие добычу вороны. Так и жили в полном согласии и взаимном довольстве: Коля сидел, Джерри лежал.

К концу смены пёс, лёжа, повёл ухом и приподнял голову. «Не иначе, Палыч идёт», – подумал Коля. Звякнули металлические ворота. Точно Палыч, а кому ж ещё?

– Здорово, Палыч!

* * *

Всё! Коля двинул с работы домой, пересекая по диагонали исторический центр города, где нередко тормозили туристические автобусы, высыпая из себя толпу перерзлых эстетствующих тёткок: «Ах, это настоящее, это корни...», – и вот уже бюст к бюсту какие-то три грации улыбаются в объектив, пытаюсь и в кадр втиснуться, и домики не затмить – естественно, красотой. По приезде во «ВКонтакте» выкладывался отчёт о путешествии, и рядом с ним иные берега, иные бюсты, призывно подчёркнутые воланами и фестонами. В сезон Коля в туристической зоне подрабатывал медведем, так что и его мохнатая фигура с балалайкой нередко выныривала на страничках соцсетей. Чуть поодаль от автобуса с дамами это же самое «настоящее», но с облупившимися фасадами, оставалось без внимания и, покосившись, хирело, дряхлело и однажды исчезало вовсе, уступая газобетону, сэндвич-панелям и, упаси господи, взбодряющей расцветки металлическому профлисту по утеплителю.

А были эти домики пресимпатичненькие, некоторые из них даже двух- и трёхэтажные, с колоннами, с подворотнями, куда уходила и сразу же обрывалась булыжная мостовая. Туда могла заезжать подвода с дровами или сеном, и лошадь трясла ушами, и мычала в хлеву городская корова, и сам двор, заросший травой, пресекала не одна тропинка. Лошадь приходила и уходила, появлялась другая, корова телилась, продавалась, съедалась, да и сам то ли хлев, то ли сарай не раз разбирался и собирался, кочуя по двору, и снег зимой засыпал двор по самые окошки, и сосульки частоколом свисали с крыш, пробивая каплями корки волнистых сугробов. И за низенькими крышами сияла солнышком на маковках церковь с колоколенкой, и рядышком тоже лепились друг к другу домики – и не деревянные, и не каменные, и не одно-, и не двухэтажные: нижний, оштукатуренный этаж у них так глубоко врастал в землю, что верхний, деревянный, мог вполне сойти за первый...

* * *

В одном из таких домиков, по окошки ушедшем в землю, за столом сидела девочка и с безмолвным ужасом тарасилась на суп, полезный, молочный с морковью и тыквой. Девочка оторвала взгляд от супа, мечтательно посмотрела вверх, в окно: кривые Колины ноги сворачивали в сторону его дома.

Коля вступил в ту золотую пору, когда недостаток волос на голове не вынуждал бриться наголо, и живот ещё только-только начинал вырисовываться, почти не свисая над ремнём китайской фирмы «Мустанг», и волосатые груди не переросли маленький девичий размер. Нет, Коля не красавец, но себе цену знал: он правильный мужик, пил, но в меру, и при этом ещё и натурал, а это значит, что не только. во-первых, но и во-вторых, и в-третьих!

И у такого-то мужика проклёвывалась перспектива спать и есть все выходные трое суток в компании матери и тётки, а затем пойти на работу и делать это уже без них. И всё потому, что у его подруг был один общий недостаток: они хотели, чтоб он на них женился. Коля пробовал переключаться на замужних, но у тех всё второпях, всё некогда. Приходилось «вводить второй состав». А если он случайно имя перепутает, и всего-то только разок, то тут крику, боже ж ты мой! В общем, не устроена его личная жизнь, во всяком случае, на ближайшие три дня. И несмотря на то, что мать наварила кастрюлю супа, домой не тянуло. Коля обречённо рылся в телефоне: имеются тут номерочки нескольких интернет-крошек, давно пора встретиться хотя бы с одной, и побыстрее, чтобы футбол по телеку не пропустить. Времени в обрез, а потому

необходимо либо самому к даме подскочить, либо к себе вызвать, к тётке с матерью в смежных комнатах для экстрима.

– Ну-ну, отвечай, – слушая гудки в телефонной трубке, Коля нетерпеливо притоптывал ногой.

Глава 2. Всё на продажу

Время то же

Рома оформлял в МФЦ продажу квартиры. Ещё несколько подписей, печатей, – и его недвижимое имущество переключается в движимое, на рублёвую карточку Mastercard, и без задержки, и без остатка – на долларовую. Его мир, с детскими воспоминаниями и юношескими фантазиями, сожмётся до кусочка пластика, срок действия которого истекает через три года.

Сидя у окошка приёма документов, он с болью чувствовал, как каждая канцелярская операция приближает его отречение от своей прошлой жизни, от родительского дома, бетонных стен, вобравших в себя голоса ушедших родителей, где отец поднимал его высоко-высоко, к самому потолку, к ослепительно жёлтой лампе, и Рома смеялся, барахтался в его руках, не зная, что именно это и есть счастье.

Рома рос послушным ребёнком и, не рассуждая, уверенно шагал указанным мамой курсом. Два года назад, оставшись один, Рома сам от себя ушёл, заблудился: его жизнь, погружённая в любимую математику, вдруг рассыпалась, контакты с коллегами по всему миру оборвались, и мозг погрузился в сомнамбулическое состояние. Каждый Ромин шаг казался вполне логичным, но только на коротком отрезке времени, зато все шаги вместе последовательно складывались в действие если не граничащее с глупостью, то, во всяком случае, совершенно нестандартное.

Рома пришёл к выводу, что его призвание не математика, не теоретические вопросы, а возвращение надежд будущего. Будущее – это дети. Не свои, их никогда не было, – чужие. Ради них руководство шахматным кружком в доме творчества он сочетал с усердной заочной учёбой в педагогическом. Но надежды будущего возвращаться не желали, а его собственные разбились: ясноглазые отпрыски не понимали каскадов Роминых отвлечённых мудрствований, метафор и аллегорий, изнывая от скуки и неподвижности. Кружок развалился, Рому уволили, вот тогда-то и объявились его приятели по матмеху университета с уговорами продать квартиру и уехать в другую точку земного шара. Рома их послушался: на их стороне был разум, на его стороне – чувства. Последние дни ему стало казаться, что необходимо покинуть эти места побыстрее, а причину поспешного отъезда афишировать не следует.

Покупатель квартиры, в противовес Роме, возбуждённо ёрзал, щуря свои узкие лукавые глазки. Особенно его радовало, что в соседнем подъезде живёт его земляк и что Рома, отчаявшись продать, оставил ему облупленный кабинетный рояль для его маленьких дочек. Сделка завершилась, механический голос невидимой барышни произнёс: «Клиент номер...» – и процесс купли-продажи завертелся, уже другой, и Рома отныне – отработанный пар. Теперь Роме предстояло провести остаток дня в предварительно забронированном номере в гостинице, в скуке и бездеятельности. В эту же гостиницу сегодня вечером подъедут взявшие над ним шефство однокурсники, Гонибберг и Заков. Утром следующего дня, в субботу, под конвоем, чтобы не потерялся, они доставят Рому в столицу, благодаря чему тот избежит ранее назначенной встречи с человеком, о котором не хочется вспоминать. Искать Рому он начнёт не раньше воскресного утра, тогда тот будет недосыгаем и потому невиновен.

Но план торчать в одиночестве в спартанском номере гостиницы лопнул, пронзённый мыслью о третьем прощальном ужине с бывшей соседкой, Розой Соломоновной, заменившей ему в последнее время маму. Подсознательно пытаясь ухватить за полу ускользающее «вчера», Рома оповестил соседку незамедлительно, не вникая в её робкие заверения, что двух предварительных прощальных ужинов вполне достаточно. С энтузиазмом он направился в университет за деликатесами и вином, чтобы навсегда в душе сохранить воспоминания об этой святой женщине и времени, проведённом с ней.

* * *

Люська выкладывала товар из тележки на полки. Час назад это были батоны, потом молоко, потом опять батоны и, для разнообразия, кефир. Как так можно непрерывно жрать, с открытия и до закрытия универсама, с 8.00 до 23.00, в ущерб сну! Люську абсолютно не пробирав процесс выкладки продовольствия, но ей ежедневно платили, хотя и разные суммы, но всегда скромные, чрезвычайно скромные. Люська работала «вчёрную», у неё «как бы испытательный срок» – месяц. К этому времени либо она, не дожидаясь благодарностей, сваливала сама, либо менеджер успевал сказать спасибо и, указывая на дверь, оставлял себе на память её дневной заработок. Такая игра «кто кого» даже захватывала, вносила элемент азарта. Люська считала себя стреляным воробьём, менеджеры тоже, так что играли на равных, 50 на 50.

«Спасибо» произносилось традиционно в конце рабочего дня, когда основной поток покупателей иссякал, оставив деньги и взяв хлеб, майонез, макароны, кетчуп и другие ингредиенты высокой российской кухни. Слова благодарности звучали учительским тоном, строго, что должно было вызывать у работающего чувство вины. Да мелочи, это вам спасибо, рады стараться, какие уж тут деньги! Деньги здесь действительно ни при чём, они менеджеру нужнее. И завтра на Люськино место придёт новая дура, или дурак, и все они взаимозаменяемы.

По Люськиным расчётам, валить с работы следовало ещё вчера, но попутала надежда. Люська взмокла от напряжения: под мышками лужи, по ложбинке позвоночника одна струйка пота догоняет другую. Пот принимается лить неожиданно и так же неожиданно прекращается: кран открыт, кран закрыт – и управлять процессом совершенно невозможно.

Эх, вот если была бы её мать медсестрой в женской консультации: полгорода – сфера влияния! Может, тогда пристроила бы её, Люську, а так... Мамаша работает горничной в поросяче-розового цвета гостинице с игриво подмигивающей ночью неоновой надписью: «Отель “У Семёныча”». Главная фишка «Семёныча», несмотря на его двусмысленное подмигивание на оба глаза, – клопы, но основных, почасовых клиентов они нисколько не утешали. И сама мамаша – лузерша, и подруги её: их новым шубам больше десяти лет. Вон, любимая Наташка Семёнова в униформе с принтом «Новые технологии» шваброй орудует! Безнадёга кругом! Мать сейчас отдыхает, в смысле пашет на даче. У неё сбор урожая, отпуск. Зато с октября по февраль у мамы почти полный штиль, потому как биография у неё короткая: три года замужества и далее с редкими переборами совершенно неофициальная часть, обратно пропорциональная выращенной на подоконниках рассаде.

Люська глядела на ещё не открывшую рот менеджершу, просто глядела, без ненависти, без зависти, не слушая, наперёд зная, что она ей скажет. Бессознательно она выискивала неясные, незаметные признаки, обеспечивающие менеджерше превосходство над собой, положение по другую сторону баррикады; взглядом пыталась прощупать, ухватить, впитать в себя до последней капли и, отбросив бездыханную обмякшую тётку, самой стать как она, с надутыми, поднимающимися к носу губами, осанистой, со спокойной уверенностью, сунув руки с наклеенными ногтями в спецовку, повелевать судьбами. Почему Люська, минуя твердь, из одного болота попадает в другое? Люська как-то пробовала сосчитать, сколько сменила мест работы, но запуталась, забила и теперь к увольнениям относилась почти обыденно-спокойно: как взяли, так и послали.

Высочив, раздражённая, из подсобки магазина, она почти налетела на радостно улыбающегося типа:

– Ой, здравствуйте, а вы меня не узнаете? – и физиономия его ещё больше расплылась в улыбке.

Перед ней предстала ещё достаточно молодая особь мужского пола, с широко расставленными круглыми глазами исключительно правильной геометрической формы, круглыми мяси-

стыми ушами и ртом практически от одного замечательного уха до другого. Будь эта особь травянисто-зелёного цвета – была бы вылитым лягушонком, но, к сожалению, с бородой. На месте этого типа Люська бы так не радовалась.

Она напрягла мозг: что это за мужик? Неужели её? Мужик улыбнулся ещё шире. Его радость Люську не пробираала никак. Откуда он такой взялся? С армейским вещмешком, увешанный пакетами из магазина, в костюмчике, намертво приросшем со школьных времён. Такие короткие брючки, выше щиколоток – перебор не только для стрит-стайлеров, но и для старых баб, хотя что-то похожее они всё-таки носят, но со стразами и, уж конечно, без гульфика. Однако и с гульфиком у мужика не всё гладко складывалось: брючки были явно малы, и оттого, что гульфик находился справа, а детородный орган слева, в брючине, – в глаза мужику смотреть не получалось.

А незнакомый тип всё это время улыбался.

– Я монографию в вашем магазине на прошлой неделе потерял, и вы мне её нашли, – пояснил он.

– Ну. И что?

– Вы мне очень помогли тогда.

Люське совершенно не хотелось с ним разговаривать, а тип радовался ей как родной.

– А почему вы такая грустная?

– Забейте.

– Я вас провожу, можно? Меня Рома зовут, а вас?

«Ну, всё, – подумала Люська, – тащись теперь с этим обормотом до дома». Однако обормот не замолкал или по причине многодневного молчания, или страшась паузы и считая своим долгом развлекать даму. Люська не слушала его, иначе узнала бы много нового из того, что её совершенно не интересовало.

Под непрерывные Ромины разглагольствования они миновали тот самый домик, где девочка таранилась на суп. Страшный суп не вылили, мать убрала его в холодильник до лучших времён. Вместо супа над девочкой теперь довлел учебник с неуёмными велосипедистами и пешеходами,двигающимися из одного пункта в другой, на пути встречающимися с поездами и автомобилями и, наперекор законам физики и медицины, продолжавшими своё движение с той же скоростью и в том же направлении. А девочка мечтательно рисовала принцессу в короне с красной пятиконечной звездой по центру, десятую по счёту.

Монолог Ромы оборвал звонок Люськиного телефона.

– Люсь, привет. Это Николай, – услышала она в трубке. – Давай встретимся.

– Давай.

– Ты где?

– Домой тащусь.

– Я сейчас!

– Нет! – но в трубке уже послышались гудки, Коля торопился, футбол всё-таки.

– Послушайте, Рома, вам домой не пора? – это прозвучало не слишком вежливо.

– Как вам сказать... Первоначально у меня были иные планы.

– Так идите куда хотели.

– Вас кто-то расстроил, и мне захотелось вас проводить, отвлечь от грустных мыслей, – Роме показалось, что он слегка назойлив.

Берёзы с шелестом роняли мелкие жёлтые листья, кусты, разросшиеся за лето и пропитанные сыростью, скрывали дорожки к подъездам, тронутые первыми заморозками цветы пестрели на слегка поникшей траве...

У самого Люськиного подъезда из глубины кустов выступила тень, оказавшаяся Колей.

«Отвлёк», – констатировала Люська.

Глава 3. На троих

Пятница, ближе к вечеру

– Не понял, – удивился Коля, увидев Люську с незнакомым мужиком.

– Что тут непонятного? – радостно удивился в ответ мужик.

– Я Рома. Я вот девушку провожал.

Благодушное Ромино состояние Коле хотелось резко прервать, зубы ему пересчитать, верхний ряд, можно ещё и нижний. Кстати, сплёвывать удобнее.

– А какого хрена ты меня звала? – Коля не ожидал конкуренции, подобный вариант даже не рассматривался ввиду полной его абсурдности.

– Я разве кого-нибудь звала? – почти закричала Люська.

– Ну, ребята, мне пора, – Коля развернулся и занёс ногу для первого шага.

– Вы уже уходите? – Ромина физиономия выразила крайнее разочарование. – Жаль. Боюсь, в другой раз у нас не получится.

– А как вы это себе представляете? – Коля притормозил от удивления.

– Ну, не знаю, – замылся Рома и с надеждой посмотрел на оторопевшую Люську. – Но мне так показалось... – продолжил Рома.

– Что показалось?

– Что втроём лучше.

– Пошёл вон! – прикрикнула Люська.

Но Колю застопорило, – не понял?

– Я шампанского купил, икры, фруктов. Мои друзья ещё не приехали, а соседка Роза Соломоновна шампанскому предпочитает кефир...

– А ты, типа, его не уважаешь?

– Уважаю, но в жизни бывают моменты, когда кефир неуместен.

Хотя Коля шампанское не признавал, но слегка подобрел и кивнул на пакеты с едой:

– Чего полянку-то накрываешь?

И Рома, вздохнув, чистосердечно поведал, что продал квартиру, деньги все перевёл на карту в доллары, а карту по совету некого Закова немедленно заблокировал, потому что, по мнению этого самого Закова, ему, Роме, больше ста рублей в руки давать никак нельзя.

– Классно ты с деньгами провернул, толково.

– Вы тоже так считаете? Так приятно встретить человека, одинаково мыслящего.

– А наличные у тебя имеются?

– Нет, знаете ли, практически не осталось.

– Жаль. Ну, что? Трое так трое! – Коля вопросительно посмотрел на Люську. Присутствие в любовном деле третьей стороны, Ромы ли с хавчиком, или матери с тёткой, вносило определённый дискомфорт, однако пить на халяву, да ещё и закусывать, ему не позволял кодекс чести. – Так, ребята, вы идите домой, а я мигом.

– А меня вы спросили? – возмутилась Люська.

– Ну, спрашиваем. Давай у тебя праздновать продажу его квартиры?

– Ладно, – согласилась она.

* * *

Поначалу Коля собирался купить поллитровку, но передумал, решив пыль в глаза пустить. «Пыль» – это ноль семь, всё-таки два мужика и дама, может не хватить.

Побежав за бутылкой напрямки через пустырь, мимо лопухов и салона красоты с рекламой «Пенсионерам скидки», Коля насобирав по дороге туда десятка три-четыре репьев и удвоил их число по пути обратно. Вскоре в Люськиной квартире находилось два незнакомых мужика, только тот, что был в репьях, вмиг приуныл.

* * *

Ещё Люськина прабабка вязала из катушечных ниток бесконечные кружевные салфетки, полоскала их в синьке и крахмалила. Салфетки предназначались для бело-розовой румяной балерины или фарфорового мальчика в синих трусах, разглядывающего золотую гроздь винограда. Но мальчик и балерина недолго покоились на катушечном кружеве: очень скоро на самом видном месте на нём появлялось пятно, иногда ржавое от йода из крохотной бутылочки такого же цвета, и никакое кипячение с отбеливанием не могли его извести. Прабабка покупала горсть деревянных бочонков ниток и, повздыхав, смиренно плела новую кружевную паутину, чтобы внучка вскорости смогла положить на неё горячую котлету, обжёгшую нежные детские пальчики. Позднее прогрессивная Люськина бабка вешала на стену женоподобного Есенина с трубкой и неизвестного мощного мужика в свитере с почти невыговариваемым для всякого приличного человека именем Хемингуэй – и всё равно в доме было убого и скучно.

Сколько ни пыжились Люська с матерью: обои переклеивали, горшочки с фиалками переставляли, картинки в рамках вешали – безрезультатно! Сам по себе цветочек хорош, и картинка с котятками просто замечательная, и обои, но все вместе они в прах разбивались о квадратные метры. И уж тем более никак на облик квартиры не влияло наличие или отсутствие материной рассады на подоконниках, перца и помидоров. Люська с матерью, с котятками, с цветочными горшками существовали на одной орбите. И никто про Люську никогда и никому не поведает: знаменитая тусовщица, блистала на звёздной вечеринке то ли в Малом Ёглино, то ли в Красных Станках или даже Стругах.

* * *

Причиной непредвиденной Колиной печали стала Люськина квартира – малогабаритная, двухкомнатная смежная, проблемная для секса в присутствии посторонних. Как совместить секс, выпивку, а главное, футбол, и куда задвинуть математика? Самому заняться сексом, а математику дать выпивку и усадить смотреть футбол, или нейтрализовать математика сексом, а самому спокойно, не отвлекаясь, посмотреть футбол? Задача неразрешимая, почти как про волка, козла и капусту...

Заставленный едой стол пятиметровой кухни несколько взбодрил Колю, кроме того, после смены он всегда ощущал мощный прилив сил, всплеск энергии, сдувающийся по мере окончания выходных. Организаторский порыв и мужское чутьё помогли Коле живенько найти стаканы и выудить из ниоткуда трёхлитровую банку, в которой из мутно-белого рассола призывно выглядывали ядрёные попки солёных огурцов.

– Друзья! Я нашёл и собрал все звенья цепи... – Рома вдохновенно размахивал бутылкой шампанского, двигая ею с нарастающим отклонением от вертикали и строго по оси от Колиного лба к Люськиному. Не дожидаясь результата, Коля перехватил из его рук бутылку и деловито разлил, придав ускорение банкету. Выпив залпом и едва справившись со своенравными газами в горле и животе, загнав их поглубже, Коля рыскал глазами по столу, оценивая ситуацию: колбаска копчёная, селёdochка, торт,ик, маслины, оливки, икра, а жрать-то нечего!

– Люсь, у тебя картошка есть?

– И?

– Тащи её, ща быстро сковородочку нажарим, – и, видя, что не убедил Люську чистить картошку, он кивнул на Рому. – Его же развезёт без жратвы.

Коля нагло врал, его могучий организм икра с маслинами не впечатляли. Люська чуть не послала его, но он удивительно органично вписался в её кухню, а потому она поплелась на балкон, где в тумбочке до морозов они с матерью хранили выращенную картошку...

Проводив Люську взглядом, Коля назидательно изрёк:

– Градус нам понижать никак нельзя. Давай, давай, быстрее!

Рома вяло засопровтивлялся, но налитые полстакана хлопнул, хотя и с отсутствующим видом. Его безразличие к новой откупоренной бутылке, да ещё ноль семь, показалось Коле глубоко оскорбительным. Особо ранило то, что Рома так же безучастно выпил второй стакан. Коля сдержался: закусывал-то не своим, но обидно стало, так обидно, за водку обидно, за деньги, за то, что торопился, бежал в магаз. За чувства свои обидно. Кого хотел удивить? Кому нужна его ноль семь? Этот Рома и пить-то как следует не умеет. Ещё Коле на ум пришло, что вместо секса у него жратва с дятлом Ромой. Отстой! Так и кобель Джерри, получая свой кошачий корм, считает, наверное, что вот это и есть настоящая жизнь!

Коля несколько успокоился, пока дуэтом с Люськой крошил картошку, но, всё ещё страдая, налил полстакана и втиснул руку в горлышко трёхлитровой банки, где с огурцами плавали и смородиновый лист, и чеснок, и зонтики укропа, и листья дуба с херовым, то есть с хреновым листом.

– Сама солила или с матерью? – поинтересовался он, доставая из рассола огурец.

Люська вздрогнула: вопрос подспудно, фрейдистски-предательски выдавал самые потаённые Колины желания, но он невинно хрустел огурцом.

– Ну что, пить-то будем? – Коля кивнул Роме. Тот послушно выпил и что-то неразборчиво пробормотал про звенья. – На, закусывай, – снизошёл Коля, протягивая огурец.

Огурец канул в Роминой бороде, а вслед за ним и второй. Весьма вероятно, что, если Рому или только отдельно его непроходимо густую бороду потрясти, из неё вывалились бы оба огурца, или уж точно что-нибудь прелюбопытное, давным-давно пропавшее, что отчаялись найти – карандаши, скрепки, кнопки... Слегка пьянея и замедляя скорость банкета в ущерб предстоящему футболу, Коля предчувствовал настоящий мужской разговор.

– Ты бензопилу в ремонт сдавал? – снисходительно спросил он.

– Нет? А что, должен был? – оторопел Рома.

– Сам чинил?

– Зачем? – перешёл на шёпот Рома.

– Не понял.

– И я не понял.

– Ты что про цепь и звенья втирал?

– Ох, – Рома облегчённо выдохнул. – Нет, звенья задачи, для заказчиков. Они меня поначалу так заинтересовали, но теперь... Задача, поставленная во второй и в третий раз, пусть даже с другими начальными параметрами, – штамповка. Вы меня понимаете?

– Ты чё, сам задачки решаешь? – Коля оторопел, вспомнив толстозадую училку Генриетту Фирсовну с её иксами и игреками, рядом с которыми ему упорно хотелось поставить букву, значащуюся исключительно в русском алфавите: математика у него вызывала трёхбуквенную ассоциацию, но, главное, коротко и по сути. В прошлом году он эту зануду встретил на улице: с костылём, согбенную, со следами идиотизма на лице. «Так тебе и надо, – удовлетворённо подумал он, – думала, умнее всех...»

– Моя стезя – математика, теоретические вопросы, но в данном случае... – Рома воодушевился, и против воли родная стихия его подхватила и понесла.

Колю сковало обречённое ожидание: картошка не готова, Люська увлеклась икрой, выпивать одному некомфортно. В таком подвешенном состоянии его одеревеневшая физиономия

не выражала ярчайшей работы мысли. Всё же он налил по полстаканчика, но оратор глотнул свой как воду и, не поперхнувшись, открыл рот:

– Меня заинтересовал эффект домино, синтез или выявление его в бытовых условиях. Это такая шуточная головоломка.

«Чего его так пропёрло?» – Коля раздражённо отодвинул в сторону опорожнённую бутылку и разлил шампанское, а по его окончании и рассол.

– Свою задачу я видел в том, чтобы обнаружить цепь неустойчивых элементов. Будничное воздействие на её последнее звено, в данном случае заказчиком, должно вызвать цепную реакцию катастроф. Неустойчивые звенья – это любого типа здания, сети, инженерные сооружения, находящиеся в аварийном или предаварийном состоянии и обязательно в опасной близости друг от друга, как исторически, так и при нарушении нормативов. Как было раньше в русских городах: баба опрокидывала нечаянно самовар с углями – и выгорала вся округа. А если синтезировать в одно время несколько катаклизмов, удалённых друг от друга на много километров... И никто не догадается об их искусственном происхождении. Не надо ни кибератак, ни других противозаконных действий. Я сейчас покажу вам, как это должно осуществиться на практике, – Рома порывлся в своих вещичках, стоявших у ног. – Странно. Нет красной папки...

– Да и фиг с ней, – отмахнулся Коля.

– Значит, я забыл её на рояле...

– Так ты ещё и на рояле играешь?

Рома оцепенел:

– Если она попадёт в руки заказчика...

– Как она ему попадёт?

– Новый владелец квартиры отдаст, а если он не заселился, то мою дверь легко вскрыть.

– То есть ты расписал придуманный за деньги план катастрофы, решил его не отдавать и забыл дома?

– Да.

– Эти типы когда к тебе придут?

– Завтра.

– Ну и забей, сегодня пойдёшь и возьмёшь.

– Вы так думаете? – обрадовался Рома.

Диалог дальнейшего развития не получил: Люська грохнула на середину стола шкворчащую постным маслом здоровенную сковородку с золотистой жареной картошкой.

– Есть будем со сковородки, – приказала она. – Посуду мыть не буду!

Коля, живенько расправившись со своим сектором картошки, подумывал, кому бы предложить дружественную помощь. Люськин яростный взгляд не обещал ничего хорошего, и Коля передвинулся в Ромину сторону. Рома не возражал. Он стучал вилкой по сковородке, как журавль по тарелке с манной кашей, с той лишь разницей, что журавль не был мертвецки пьян. Люська отложила Роме, как дитяте, еду в тарелку и дала ложку.

– Точно, теоретик, – бодро констатировал Коля, стараясь не глядеть на уплывающую от него картоху. – Развезло, и всего-то от полбутылки!

Но есть даже ложкой с тарелки Рома не смог – уснул.

– Давай я доем, чтобы не пропадало, – Коля подвинул к себе тарелку.

– Не пропадёт!

Но пропадать было уже нечему.

С исчезновением своей картошки Рома встрепенулся и, почти проснувшись, вяло пробормотал:

– Пропадут, люди пропадут, сотнями погибнут. Там труба... взрывы. Что я наделал... – и, мучимый угрызениями совести, крепко уснул, свесив голову на грудь и открыв рот.

Коля хлопнул себя по лбу:

– Задрых, наговорил какую-то фигню про катастрофы! Эй, ты! – Коля потряс, как мешок, раскисшего математика. – Кто погибнет?

В ответ Рома умильно улыбнулся, подтянул к себе Колю за грудки и, облюнявив, звучно поцеловал в губы. Коля сплюнул, Рома всхрипнул.

– Слушай, – набросилась на Колю Люська. – Ты чего к нему привязался? То картошку ему подавай, то водку с огурцом, теперь катастрофы мешают. Скажи прямо: не можешь, – и проваливай!

– Я не могу?! У тебя одно только на уме!

– Сам подвалил, припёрся в мой дом, нажрался, а как до дела, то у него катастрофа!

– Рот закрой. Я ж...й чувствую восточный след.

– Чего? Нажрался водки, и ж... у него расчувствовалась! – Люську Коля бесил, тем более, ей вдруг пришла идея отмыть и подстричь Рому, а потом пристроить его в хорошее место, чтобы со своей наукой неплохие деньги приносил. Люська мысленно без особого труда женила на себе Рому и уже переехала с ним в Москву. Трудности пока ещё оставались со столичным жильём. Главное, такого и кормить не надо, ну разве что раз в день тюрей или хряпой, как поросёнка: все равно не заметит или забудет... Вот только представить она могла себя с ним только няней: кашку сварить, на ложечку подуть, попробовать, не горячо ли?

– Всё. Пошёл вон.

– Я уйду и больше никогда не приду, – продолжал Коля, сурово глядя на Люську: перспектива провести вечер с матерью и тёткой Зиной грозила реальностью. – Но для начала я встрясу из этого Ромы его адрес и перехвачу красную папку.

Однако свободолюбивый организм математика противился всякого рода насильственным действиям, а тайному сыску тем более, и, соскользнув со стола, а потом и со стула, Рома проигнорировал вопросы о месте жительства, по-партизански молча уполз в комнату и уснул на диване, свернувшись калачиком и сложив руки под щеку, как в детском саду. И кому, скажите, глядя на него, придёт в голову мысль об исполинском величии мозга?

– Сейчас я его приподниму...

Коля обхватил расслабленное мягкое тело математика, но оно совершенно не слушалось и, точно рыба, выскользнуло из рук, брякнувшись на пол и исторгнув из себя телефон, для прочности обмотанный резинкой, называемой в отделе канцтоваров «резинкой для денег».

– Берман, Бермант, Бертман, Гонибберг, – прочитал Коля в контактах, едва сдерживая потрясение. – Да это же Моссад! Телефоны, пароли, явки!

– Математики, наверно, – отрезвила его Люська, но в пику ей Ромин телефон нетерпеливо-нервно, со звоном завибрировал. Машинально Коля нажал кнопку и поднёс к уху.

– Ррроман, ты цепочку составил? – голос в трубке резал ухо грубым акцентом.

– Да, – хрипло ответил Коля, сглатывая слюну в пересохшем горле.

– О кей, скоро прийдём. Дома сиди, деньги принесём.

– Сколько? – вырвалось у Коли.

– Как договаривались, три тысячи.

– Чего?

– Уважаемый, ты в России, рублей, конечно! Манат туркменский захотел? – и на другом конце провода раздались короткие гудки.

Коля в ужасе посмотрел на Люську.

– Этот чувак за трёшку сложнейшими делами гробится!

Но Люська уже подумала, что с Ромой денег ей никогда не видать. Будет бесплатно корпеть над своей наукой. Замуж за него окончательно расхотелось, даже для статуса.

– И чё? – Коля всё ещё её раздражал.

– Да ничего, – Коля не выдержал взгляда в упор. – Просто звонил заказчик. Понимаешь?

– И чё?

– Значит, не понимаешь, – и Коля взвешенно и терпеливо повторил разговор с незнакомцем, слово в слово, но значительно громче. Люська, тем не менее, в тему не вползала.

– Он же говорил, что ему заказали разработать катастрофу, – Коля говорил медленно, почти по слогам, чтобы Люська поняла. – Не простую катастрофу, а такую, которая произойдёт вдруг, как несчастный случай, и вызовет за собой целую цепь катастроф, как эффект домино! – Коля самодовольно посмотрел на Люську.

– Я думаю так, – сделала вывод Люська. – Вы выжрали на двоих ноль семь водки, запили шампанским с пузырьками, один на полу валяется, а у другого белочка. Проваливай и этого забирай, – Люська кивнула на Рому.

– Люсь, а ничего, что это твой мужик?

Люська засопела, раздражённо раздув ноздри.

– Он сам про цепочки катастроф сказал! – не унимался Коля. – Вот рухнет где-то что-то, и потянется целая цепочка. А в конце будет, я думаю, настоящая хана.

– И откуда ты такой умный выискался? Тоже математик?

– Нет, не математик, но моя работа сопряжена с риском, – Коля вспомнил телевизор, монитор с видеонаблюдением и, как развлекуху, лопату для снега зимой. – И главное, они завтра должны были прийти, а придут сегодня, – Колины глаза медленно расширялись от ужаса, – это, значит, красную папку они возьмут сами, выбьют дверь и возьмут.

– Да кто же?

– Террористы.

– Что же делать? – Люська всё ещё не могла ему поверить.

– Предотвращать катастрофу, – буднично, как если бы это было его обычным делом, произнёс Коля. – Если сейчас пойти за красной папкой в его бывшую квартиру, то нарвёмся на террористов. Значит, мы пойдём другим путём: найдём самое главное звено. – Коля торжественно посмотрел на Люську.

– Давай, ищи, – она слегка пнула Рому ногой. Тот даже не шевельнулся.

– Где конец цепочки, придурок?! – тряс его за грудки Коля так, что Ромина голова болталась из стороны в сторону, пересчитывая ножки стоящего рядом журнального столика. Сам владелец головы крепко спал. После вторичной встряски, еле ворочая языком, Рома выдавил:

– Курс на Москву, потом на запад. Господи, эта труба... Она почти за двести километров отсюда.

– Всё ясно, – теоретика Коля отбросил на пол за ненужностью. И хотя ему мало что было ясно, прилив застоявшихся после работы сил и желание немедленно вырваться из давно опостылевшего круга – охрана, дом, сон и жратва – перевешивали. Отметая прочь сомнения, Коля ухватился за случай, устремился туда, не зная куда, решив действовать строго по обстановке, а, если точнее, то от балды. – Двести километров в сторону Москвы, потом строго на запад. Я знаю этот городишко. Там найдём трубу. В машину, поехали! Чёрт, – Коля поскрёб в затылке. – Я же выпил. Ты водишь машину?

– Да.

– Поехали!

Люська согласилась легко: делать ей было совершенно нечего, а так прошвырнётся, развеется:

– За бензик ты платишь.

– Согласен.

– А этого куда? – Люська указала ногой на Рому.

– С собой заберём с его мешками. Протрезвеет – расскажет, что делать, – и Коля сгрёб Ромины вещички, попутно выронив на пол его телефон и покидав по частям в сумку. – Да, вот ещё. Еды возьмём, а то сколько в пути, неизвестно.

– Мать, – позвонил Коля домой, – мы с друзьями на рыбалку собираемся, ты нам сорганизуешь чего-нибудь.

– Какую рыбалку?! – слышала Люська крики из трубки.

Нецелесообразной находила рыбалку Колина мать, перечисляя с матюгами всё, что год назад в порывах реновации разворотило в квартире её стокилограммовое чадо.

– Потом почию.

– Какой потом! Рукодельник хренов! Сам жрёшь, а как...!

– Ладно, не ори, жрачку собери, сейчас приедем.

Глава 4. Поехали!

Пятница, ещё ближе к вечеру

– Машина, конечно, «копейка»? – спросил Коля, когда они проволокли Рому, считая ступеньки, с пятого этажа до первого и вышли на улицу.

– Деда машина, он нам с матерью оставил.

– Эта, что ль? – Коля вылупил от удивления глаза на автомобиль цвета застиранного женского белья.

– Первый выпуск.

Если для Люськи это был просто автомобиль, то для её деда – целый мир, ушедший мир честных, простых мужиков. И располагался он в гаражах, подальше от дома, куда не ступала нога женщины – суетной, непосвящённой. Считая езду на автомобиле делом не только расточительным, но и несерьёзным, там бесконечно чинили, мастерили, советовали, помогали, там утепляли гаражи, вгрызаясь в земную твердь, но не ради секретного подземного хода – ради погреба для домашних припасов. В выходные в гараже устраивался полный сбор, и звук кипящего чайника тонул в визге болгарки.

– Может, Рому в багажник, а вещи в салон?

– Думай, что говоришь! – Коля звучно постучал по своему лбу. – А если гаишники попросят ночью багажник открыть?! Ты хоть газ с тормозом не путаешь?

Люська презрительно фыркнула.

Уложенный на заднее сиденье Рома долго на нём не задержался и, съехав на пол, сон не прервал. Кардан поперёк спины ему не мешал нисколько.

– Ладно, – махнул рукой Коля. – Пусть валяется. Сейчас сделаешь поворот налево. – сказал он Люське, – потом направо, а вон мой дом, и подъезд не этот, а вот этот.

– Один сек, – пообещал Коля и исчез в подъезде, но через «один сек» в машину плюхнулся не он, а незнакомый сухонький старикашка и, наклонившись к самому Люськиному уху, резко гаркнул:

– Рота! Противогазы снимай!

– Блин! Что за пердун! – взвизгнула она от неожиданности и боли.

Но пердун поставил вопрос ребром:

– Рядовой Иванов, ты почему не снял противогаз?! – и, не дождавшись ответа, сам продолжил: – Я снял, товарищ старшина. Ну и рожа у тебя!

– Пошёл вон!

Но старикашка в ответ злобно расхохотался:

– Р-р-р-рота-а-а! Противогазы снимай!

Колина мать хоть и покричала, но пакетов навязала премного, главное, в бутылки из-под колы компоту заботливо развела, чтоб в пути попить. Когда Коля, расслабленно удовлетворённый, заглянул в машину, Люська на очередную громогласную команду немедленно снять противогаз, матерясь, рыдала в голос.

– Дядя Петя! Опять убежал! Домой пошли, – Коля вытащил старика из машины.

– Сумасшедший из соседнего подъезда, – пояснил он, вернувшись. – Целый день орёт про свой противогаз, главное, свихнулся совсем от другого. Он когда слишком соседям надоедает, старуха его на улицу выпускает проветриться. А вообще он хороший мужик был, с батареей покойным в одном цехе работал. Он чего свихнулся-то: вздумал перед смертью на родину съездить, там село было – полторы тыщи человек. Приехал, кругом разруха, хуже, чем после оккупации, а из людей один только старик, никому не нужный. На обратной дороге дядю Петю в поезде водкой напоили и деньги отобрали. Я вечером со смены иду, дождь, слякоть, а он под фонарём стоит в одном ботинке, обдурлся, плачет, к жене боится возвратиться без денег. Вот с тех пор

умом и тронулся, а так хороший мужик, правильный. Главное, ну, сколько у него денег могло быть? Тем подлецам, верняк, на выпивку с закуской не хватило, других пошли обшаривать.

Извлечённый за пружинистый гофрированный хобот из зацементированных недр стариковской памяти противогаз с округлившимися от увиденного стеклянными глазами вынудил «правильного» деда ещё разок просунуть в форточку шею с гуляющим кадыком и прокуковать на посошок:

– Рота! Противогазы снимай!

– Ну всё, – скомандовал Коля. – Выезжаем на шоссе и дует прямо.

– Без тебя знаю, а что дальше-то делать?

– Там видно будет. А этот, – он кивнул в Ромину сторону, – всё в ауте?

«Главное успеть, – думал Коля. – Вот, только куда...»

Глава 5. Срезали!

Пятница, вечер

На шоссе Коля махнул рукой на Люськино вождение: пусть выжимает все семьдесят. Хотелось спать, видимо, водка начинала действовать, лицо обмякало, глаза закрывались, отказываясь смотреть вдаль даже с мудрым прищуром.

– Мы сейчас путь срежем, – Коля вдруг взбодрился от неожиданно выстрелившей идеи. – На следующем перекрёстке свернёшь на грунтовку.

Люська не возражала: на грунтовке движение спокойнее, машин меньше, точнее, повстречалась всего одна, но зато «гелендваген», идущий на таран со вспыхнувшей персонально для Люськи мигалкой. Спустя мгновение он исчез, как комета, пролетающая из одних высших сфер в другие, указав Люське надлежащее место в канаве. Джип умчался, оставив запах горелой резины. Мотор «копейки» заглох.

Люська почти плакала:

– Им что, дороги не хватает?

– Уроды, – попытожил Коля, выползая из машины. – Чё так резко? Можно было и на обочину съехать.

– Где ты видел обочину? Тут сразу канава!

– Выйди-ка из машины, попробую сам выехать.

Но Коля знал заранее, что ничего у него не выйдет: мотор ревел, колёса крутились, дым валил, Рома спал. Придётся звонить Лёхе, а звонить не хотелось. Лёхе Коля уже полгода должен был триста рублей. Может, тот забыл? Но Лёха не забыл, а потому чрезвычайно обрадовался Колиному звонку.

– Ща приедем! Поможем! – воодушевлённо обещал он.

«Ему-то в радость», – печально подумал Коля.

Лёха подъехал на «уазике» через полчаса. У него работа была такая, связанная с правильным, крепким мужским отдыхом: вытаскивать автомобили из разных гиблых мест.

Э-э-эх, хорошо-то как бахнуть на природе-матушке, на родном раздольюшке! Да закинуть сеточку, закинуть родимую, и не раз, и не два. Отдохнуть всласть и, попив водочки, ощутить разлитую по всему телу бесконечную удаль, да ещё гордость за державу! Лесов – море, зверья и рыбы разной – не счесть, кристальные озёра и реки – полноводные! И чувство это безмерное, всепоглощающее, льющееся прямо из сердца выразить могут только песни мужские, нестройные, неподвластные мелодиям, да ещё гордые победоносные танцы у костра. После чего, почти протрезвев, исполнитель перформанса по возвращении домой снисходительно швырнёт к ногам онемевшей от восторга жены здоровенный мешок уснувшей рыбы и небрежно скажет: «На, чисти».

С пятницы по понедельник не было отбоя от клиентов, по собственной воле засевших в канавы, болота, или просто на равнине по уши в грязь, или там, где за десять тысяч лет до них ледник предательски разбросал каменюки, сносящие на фиг защиту картера. Любителей экстремального отдыха – выпивки на природе в камуфляже под лагерный шансон – становилось всё больше и больше, Лёхин левый бизнес процветал, и все были довольны: Лёха – деньгами, а вырвавшиеся на выходные из ежовых лап субординации мужики – ощущением удалы и безграничной свободы.

Лёха проворно выскочил из своего уазика, прицепил трос к «жигулю». Люську от дела отстранили, Рому, как и сумки со жратвой, вынимать не стали. Мужики сами газовали, сами матерились. Наконец «жигуль» задом неуверенно выполз на дорогу, а Лёха, запихнув Колины деньги в бумажник, умчался к следующему клиенту.

Люська с Колей двинули вглубь материка, прочь от машин, от людей, сквозь сельву ольхи, осины, черёмухи и прочих мелколиственных. Они оставляли позади редкие деревни с десятком домов, брошенных, чернеющих обгорелыми остовами, или с рухнувшими во всё ещё держащийся сруб драночными крышами, или обитаемых, но для полной ясности, что хозяев нет и до весны не будет, с берегом – шваброй или метлой, поставленной по диагонали в дверях.

Но зато в отсутствие людей в такую деревню, к увешанным гроздьями ягод калинам и рябинам устремлялись стаями птицы, чтобы насытиться впрок перед перелётом, а к рассыпанным на траве жёлтым и красным яблокам, полусгнившим, надкусанным или ещё целым и сочным, торопились крысы и мыши, к ним из леса, опустив голову, не чувствуя опасности, трусили лисы, а ближе к ночи появлялся медведь, отмечая своё посещение частыми увесистыми кучами с неперевавленными ягодами черноплодки. С первыми заморозками на хрупкой траве чётко отпечатывались цепочки звериных следов, и не раз ещё они смывались дождём, прежде чем быть засыпанными снегом. И за всем этим молчаливым пиршеством, грозно воздев к небу руки – одну с серпом, другую с молотком, – наблюдало чучело в армейской фуражке, с гулким чутунком вместо головы...

На развилке из трёх дорог Люська, выбрав одну по наитию, в полном безлюдье поехала, как ей и Коле казалось, вперёд. Вскоре стало ясно, что они заблудились, вдобавок Google конкретизировал их местоположение, поставив жирную точку на бескрайнем зелёном фоне.

* * *

Дед Иван дремал на крылечке, опершись на палку. Ему было хорошо: ветер стих, закат тёплый, полушубок, пусть и драный, грел, и ногам привольно, мягко в стоптанных самокатанных валенках, а мохнатая шапка сползла к носу, оттопырив уши с торчащими седыми пучками волос.

Изда деда Ивана, как и другие, была срублена так, что крылечко к ней пристроено с запада, со стороны заката, чтобы отдыхать приятней после работы. Ещё мальчишкой, карапузом, дед Иван ползал по его высоким ступеням и, устроившись поудобнее, грелся с котом на солнышке, отдыхал. Теперь дед Иван везде отдыхал – где сядет, там и отдыхает, и глаза сами собой закрываются. Рядом с ним сидел и жмурил от удовольствия глаза кот, и он грелся, и ему тоже было хорошо. Дед посапывал, кот мурлыкал. И если оглянуться назад, в прошлое – менялись правители: высокие, маленькие, рыжие, лысые, седые, менялись даже коты и кошки, серые, рыжие, полосатые; а дед Иван всё так же тёплыми вечерами сидел на своём крылечке с хвостатым другом.

Дед открыл глаза, глядь – перед ним мужик. Дед решил, что тот приснился, глаза закрыл, а мужик говорит:

– Как на шоссе выехать?

Дед опять открыл глаза.

– Э-э-э-э, – сказал он и надолго замолчал.

– Эй, дед, проснись, – услышал он. – Где здесь шоссе?

– Э-э-э-э, – повторил дед. – Тама, вам надо было у развилки влево брать, а если прямо, то будут Бердыщи.

– Зачем мне твои Бердыщи? – произнёс мужик. – А за деревней дальше что?

– За деревней ещё подалее проедешь, будет болото. Я мальчишкой в войну связным к партизанам бегал, лучше меня тут дороги никто не знает.

– Какие партизаны, дед?

– Не-е-е-е, были... партизаны...

– Чёрт с ними, пусть были!

– Обратно поворачивай. Потом езжай по левой или вправо на Бердыщи. Тама ещё дорога есть, она хоть и не шшебёночная, проехать можно. По ней лес возят, она короче.

– Кто ещё в деревне есть?

– Бабка моя Маня в избе с кашей управляет, да вона бабки Дуни изба.

– Так, – обречённо констатировал Коля, понимая, что ни к бабке Мане, ни к бабке Дуне идти за консультацией совершенно незачем. – А деревня как называется?

– А деревня называется Дарьино... – деду не понравилось, что мужик прерывает его обстоятельный рассказ.

– На указателе Марьино.

– Дык в казне денег нету, вот и повесили табличку, кака была...

Дед Иван собрался объяснить, что было и Дарьино, и Марьино, но Коля плюнул и ушёл, а старик уснул. Проснулся – нет мужа.

– Сон, – пошамкал он розовыми дёснами, любясь заходящим солнышком.

– Этот дед то спит, то про какие-то Пердыщи несёт. Маразматик, – сообщил Коля, садясь в машину.

Машина поехала за деревню в сторону указанного дедом болота, а деда Ивана скоро в избу загнала бабка, говоря, что простынет и что каша для него, беззубого, давно стынет.

Через час езды Коле уже начинало казаться, что старик прав, но он гнал эти мысли прочь. Когда дорога оборвалась, Коля понял: не соврал старый партизан. Они повернули и в сумерках проехали мимо дома деда Ивана, только тот их не видел, опять спал. Бабка Маня, прильнув к тёмному холодному стеклу, решила, что, видать, это та самая машина, что ехала в ту сторону. И бабка Дуня так посчитала. А вот чучела с серпом и молотком никто в машине не разглядел. Одиноко оно стояло посреди вывороченного огорода со своими бесполезными орудиями труда, без глаз, безо рта, без ушей, с пустым чугуном взамен головы.

Назавтра бабка Дуня пришла к бабке Мане и сообщила, что машина ночью обратно шла, кажись, та, что останавливалась у их дома. Бабка Маня согласилась. А ещё старухи погоревали, что зима не началась, а в деревне уже покойник, и что, когда родственники новопреставленной приедут на сороковины, надобно будет попросить их вырыть впрок две могилы, пока земля не промёрзла, пусть стоят развёрзанные. Две – потому что участь последнего незавидная, а гробы у них у всех для себя припасены на чердаках, и металлические кресты со старых безымянных могил, так что не будут своим детям в тягость. Об этом они погоревали-поплакали и перед сном пошептались-посекретничали с иконой, почерневшей от времени, в толстой раме, с поблёкшими искусственными цветами за стеклом.

Глава 6. По просторам

Ночь на субботу

Коля с Люськой въехали в лес, деревья слились чёрными кронами в глухую стену, обрывающуюся неровными очертаниями в вышине. И что за этой стеной – бесконечность? Как и за серо-коричневыми облаками, застилающими небо? Есть ли ещё кто-нибудь во Вселенной, не считая разбойников, затаившихся в чаще, медлящих со свистом и гиканьем высыпать на дорогу? Возможно, у разбойников нашлись дела поважнее, и они не выскакивали ни после этого поворота, ни после следующего, и не рубили дерево, с треском и грохотом преграждая дорогу. «Странно, – думала Люська, – если выкинуть их из машины, а потом загнать её на запчасти, сколько можно выручить? Выгодно получается. Тьфу, какая глупость лезет в голову!»

Тихо, только работает мотор и сопит Рома, не ведая, в какую историю он втянул и себя, и Люську с Колей, ему сладко, ему хорошо. Люська вела машину предельно осторожно, опасаясь налететь на камень или попасть в перетекающие одна в другую, третью и дальше до постоянно отдаляющейся зоны обзора ямы с зеркально-чёрной водой, скользя по которой, жёлтый свет фар не проникает до дна.

Коля настойчиво гнал мысль о том, что делать, если пробыёт картер или хотя бы колесо. Согласно навигации, до ближайшей деревни километров семь, а там наверняка сидит какой-нибудь партизан или партизанка с нестареющей душой. Коля выключил телефон, сделалось темно и тревожно. Дед обещал, что довольно скоро будет другая дорога, но эта, проложенная сквозь пустоту, нескончаемо растягиваемая движущимся светом фар, оказалась бесконечной. Согревала надежда, что потом будет лучше. Но «потом» стало только хуже.

Машина полоснула светом пригорок, ошетилившийся соснами, елями и крестами, повалившимися или ещё крепкими, атеистическими колонками со звёздочками, с неувядающими пластиковыми венками и цветами. Люська ещё сильнее вжалась в сиденье, а реальный мир сузился до размеров её «копейки». Заглядывать в мистический триллер, ожидая появления упырей, зомби, выходцев с того света, сидя дома в кресле, значительно приятнее, чем путешествовать по родным просторам с ещё не остывшими следами ушедшей жизни.

Рогатый филин, не замеченный никем, прерывисто крутил головой над частоколами крестов, уставившись круглыми глазами в черноту, и вдруг, взмахнув широкими крыльями, исчезал, пролетая тенью между мохнатыми чёрными елями, над исторгающими струи тумана болотами, где редкие берёзы и сосны с каждым сантиметром роста извечным стремлением вверх приближают свою гибель, простирая корни глубоко вниз, в непрозрачно-бурые воды болота. Немигающим хищным взглядом, крючковатым клювом филин нацеливается на незадачливую крыску или мышку, чтобы вцепиться ей в тельце когтистыми лапами и насытиться кроваво-тёплой плотью.

Кладбище обещало в скором деревню, и она появилась, точнее, то, что от неё осталось. Все, кто в своё время из неё не уехал, легли рядом с ней в могилы, кладбище плавно перетекало в пологие сопки, чащу и поляны, тёмные, а потому враждебные, следящие мириадами ушей, глаз, вспыхивающих и гаснущих в темноте.

Всходящая луна отразилась холодным синим блеском в тёмных окнах пустых изб, раздвинула вокруг себя облака, образовав пустынную сизо-дымчатую поляну, расцвеченную по краям бледным радужным свечением. Машина проехала сквозь деревню, сквозь строй почерневших от времени домов, и никто не посмотрел им из окошка вслед и не окликнул. Только у самой земли всплыли из черноты сверкнувшие изумрудным фосфоресцирующим блеском два глаза, хотя, возможно, то был одичавший кот, нашедший прибежище в отдушине под домом.

«Копейку» провожала луна, низкая, круглая, без малейшего изъяна, гигантская, как в знойной африканской саванне. Застыв над дорогой, с чёрных небес смотрела она им в лицо

бледно-жёлтым отражённым солнечным светом, а дорога, к которой они так стремились, вела к её лику. Иногда при повороте дороги луна пряталась от глаз за кроны деревьев, но обязательно являлась вновь, указывая путь к спасению строго по оси чёрного каньона, в котором они двигались.

Дорога представляла собой параллельно уложенные, для правых и левых колёс, бетонные плиты, где-то достаточно далеко серьёзно рубили лес, аккуратно обходя ивняк, ольху и осину, разгоняя зверьё и птиц, лишая и вырывая их с обитаемых мест.

И тут Коля закричал:

– Тормози, тормози!

Люська затормозила. Коля выбежал из машины, присел, включил фонарик на телефоне.

– Что там? – Люська высунулась, опустив стекло.

– Арматура, блин. Торчит из бетонных плит. Как они тут лес возят?

Люська выскочила из машины. Фонарик освещал почти под самым колесом острый железный шип, который она не заметила.

«Лёха нас отсюда точно не вытащит: сети нет, – мрачно размышлял Коля. – Связь не установить, даже если влезть на самое высокое дерево, а имеется ли она ещё и на шоссе, до которого километров пятнадцать-двадцать? Если что, придётся ждать до утра лесовозов. Это в субботу-то...»

– А как насчёт волков с медведями? – Люська озвучила и развила его невесёлые думы, только усугубив положение.

– Пусть приходят, мы им академика скормим.

Рома ни о чём не ведал, продолжая спать на заднем сиденье.

– Удачно остановилась. А сколько ещё таких хреновин? – Коля, кряхтя, выпрямился, сел за руль. С резвостью большей, чем когда выскакивала, Люська плюхнулась на сидение рядом с водительским, прильнув к лобовому стеклу. Коля бросил в её сторону беглый взгляд: на тёмном фоне чётко обрисовывался профиль со вздёрнутым к загнутым ресницам носиком... Но почти мгновенно переключился на дорогу: теперь всё зависело только от него, и одной осторожности здесь было явно недостаточно. Он завёл машину, откатил назад, а при движении вперёд свернул на обочину, песчаную, покато спускающуюся к кювету.

– Блин! – закричал он. Не слушаясь, машина юзом медленно сползала в кювет. Резко вывернув руль, Коля нажал на газ, но колёса прокручивались в сухом песке, и машина продолжала скользить боком. На повторном крике «Блин!» она всё-таки выехала на дорогу. Коля остановился.

– Иди посмотри, проехали мы по арматуре или нет.

Люська выскочила из тёплой машины в темноту, осветила фонариком глубокий след на обочине.

– Нет! Мимо прошли!

Люсь, – спросил её Коля, когда она вернулась в машину, – ты не помнишь, когда у нас индикатор бензина загорелся?

– Нет...

«Зачем свернули с шоссе? – винил себя Коля. – Куда, дурак, поёрся?»

Единственное, что его утешало, – это предположение, что красный индикатор бензина загорелся недавно и в кромешной тьме его трудно было не заметить.

Хотя шипы арматуры вылезали и нечасто, определять их, даже на невысокой скорости, было достаточно нелегко, тем более ночью, а попадались ещё и камни, и трещины в плитах, и ветки с тенями. Объезжая мнимую или настоящую арматуру по обочине, Коля не раз ещё замирал от мысли: «Всё. Хана. Свалимся. И Лёха не вытащит!»

– Как там академик? – поинтересовался Коля, чтобы отвлечься от мрачных дум.

– А его нет.

– В смысле?

– Так нет.

– Улизнул, когда мы выходили на дорогу? Блин! – Коля сорвался на фальцет.

Нет, не пронеслась мысленно перед Колей вся его жизнь, но он живо представил, как в тысячу приёмов, по миллиметру, разворачивается, рискуя сползти в правый или левый кювет, как медленно движется в кромешной тьме, вглядываясь с надеждой в каждый пень, оказавшийся не математиком, как возвращается с победой обратно, опять еле-еле развернувшись. А может, ну его на хрен, академика-то?

Перегнувшись назад, Люська вслепую шарила за сидениями.

– Тут он, как же он забился, одни ноги у окна торчат.

И так, от ветки к ветке, от одного шипа до другого, от правой обочины к левой, они выбрались на шоссе и дотянули до заправки, одинаково мокрые: один от напряжения, вторая от переживаний.

Глава 7. Наследник прошлого, очаг культуры

Дорога, по которой они попали в город, была самой обычной, с выбоинами, колеями, ухабами, с деревянными домишками по обе стороны, да и сам городок считался бы не слишком примечательным, если бы не упоминание в летописи в 1111 году, о чём извещал на главной площади подвыцветший транспарант. Только и осталось от того времени слово, исторический факт, утверждающий, что в лето 1111 от Рождества Христова после сбора урожая к дружине князя примкнули люди из близлежащих мест, и пошли в поход против другого князя, и добычи принесли премного. И нет уж давно того монаха, что ютился в тёмной бревенчатой келье, согбенный над книгами, обмакнувший перо в чернильницу, лицезреющий, как дрожат тени от лучины под завыванье вьюги, под вой волка из подступившего к монастырю леса. Поведал тот инок потомкам, что местные ребята в свободное время промышляли разбоем, и сам остался безвестным. А монастырь его просуществовал ещё много веков, пока не упразднён был матушкой Екатериной Алексеевной.

Монахи погоревали-повздыхали, но, согласившись, что на всё господня воля, поплелись в соседний уцелевший монастырь за много вёрст. Они не пустые шли в чужой монастырь: церковь свою, самую лучшую, они раскатали и перевезли по снегу на новое место, там и поставили, а кельи бросили. Но они пригодились: мужики их растащили по брёвнышку, кому хлев подправить, кому на дрова, так что через пару лет и не найти было того места, где стоял монастырь. Не осталось ничего. Не осталось и тех мужиков, что его растащили, и тех, что грабить ходили с князем в 1111 году, сгинули и палаты княжеские с затейливым резным крыльцом, церковь домовая, стены бойцовые – всё сгинуло. Что в землю ушло, что сгорело в пожаре, что в печке, наполняющей дом запахом хлеба и серых томлёных щей. Нечего и некому было рассказывать: все, кто помнил, истлели.

Перевезённая монахами церковь не прижилась на новом месте, сгорела: то ли свечка опрокинулась, то ли «молонья» в крест попала.

И так было и здесь, и за сотни вёрст отсюда: что не рушилось само, пригодилось в хозяйстве, но результат один – пустота: лес, поле, в лучшем случае замена масла или сварка аргоном. В городах поболее попадались и каменные дома с церквями, но всё та же государыня Екатерина Алексеевна смела их, припечатав чуждой регулярной европейской планировкой, развернув строительство по всей России, не понимая, что красота провинциальных городов, как и античных греческих, в созвучии с природой: с речками, холмами, полями. Но не всё подвластно было бывшей немецкой принцессе, а потому площади получались не совсем прямоугольные, улочки только в самой своей парадной части сохраняли прямизну, а дальше вились и гуляли, подчиняясь изгибам речных берегов и обходя сотворённые природой горки, овражки и полянки с редко разбросанными чёрно-белыми и бело-чёрными пятнами коров, сочно хрумящих вокруг себя траву.

Прихотливо изогнутые улочки мерили шагами и чешуйчатые ноги горделивых петухов, и наяранные до блеска сапоги, и щеголеватые позапрошломодные туфли, а тихую летом площадь облюбовали галки и воробьи, купающиеся в пыли или дерущиеся из-за зёрен, брошенных сухой старушечьей рукой. С трёх сторон, прижавшись друг к другу, окружали главную и единственную площадь двухэтажные каменные лавки да лабазы, не смея перекинуться на четвёртую сторону, где возвышалась церковь и где теснились на почтительном расстоянии от неё низенькие деревянные домики с мезонинами и палисадами, с беседками, амбарчиками и клетями.

Если встать посреди площади, или подойти к бывшей каменной лавке булочника Агафона Ивановича, или в какое другое место – отовсюду видно поле, огромное, как кусок неба, нарезанное на наделы, когда-то лилово-голубые ото льна или желтеющие поспевающей пшени-

цей с яркими огоньками васильков. Там, где небо отделялось от поля полоской леса, виднелся монастырь. И если баба, полоскавшая бельё в илистом пруду, взбалтывая лягушек и пескарей, отрывала взгляд от своих красных распухших ручищ, она видела чуть поодаль выводок утят с кричащей мамашей, а на берегу растрёпанные копны ромашек, ещё дальше башенки монастыря, к которым плыли через поле тени облаков.

Когда звонарь на колокольне Никольской весело отбивал: «Мой край, заливай», то ему назидательно вторили через поле далёкие монастырские колокола: «Люби бога, люби брата». Вслед за Никольской церковью звонили Троицкая и Ильинская, и ещё все те, что скрыты были за холмами, полями и лесами, но звучали в едином трезвоне во славу жизни. Замерев, баба крестилась, прочувствованно шмыгала порозовевшим носом и вновь принималась за тупую монотонную работу.

Однако в мыслях по простору поля, по мелким разбросанным цветочкам пробежала не только баба со скрученным мокрым бельём, но и другая баба с кадушкой и тестом у печи, и мужик на подводе, и обмакнувший перо в чернильницу молодой учитель здешней гимназии, впоследствии очень известный то ли петербургский, то ли московский литератор. Кажется, он или писал своей матушке, или говорил ей, а может, это была вовсе не матушка, а кузина, или тётушка, или друг по университету, – но совершенно точно, что уездный учитель поведал им о своём невообразимом душевном страдании, о невежестве, грубости, ханжестве местного общества. А двумя или тремя десятилетиями раньше или позже того совсем неподалёку, в своём имении, также испытывал муки другой литератор, или художник, или знаменитый военачальник в опале. И вторили их душевным мукам муки физические от клопов, жёстких матрасов и скуки, терзавшие до середины девятнадцатого века весь цвет императорской России на здешних почтовых станциях.

К одной из таких станций, зданию с белым оштукатуренным первым этажом и деревянным синим вторым, унтер-офицерская вдова или докторша подвозила своего повзрослевшего отпрыска, чтоб в Петербург ехал, в Академию художеств или в Университет, а может, и в Институт путей сообщения. И, долго махая вослед отяжелевшим, мокрым носовым платком, она в результате оставалась одна, чтобы стареть, хворать, дряхлеть, черпать известия о сыне из писем, а вскоре всё больше из газет. И в это же самое время местные купцы дули стекло, лили колокола, строили мельницы, драли шпон, возили его в Европу и драли по три шкуры с окрестных работных людей...

Всё перечисленное историческое наследие городка свободно помещалось в нескольких комнатках, именуемых краеведческим музеем, делившим кров с городской библиотекой. Культура Допетровской Руси в музее была представлена полуистлевшим наконечником от копья и крохотным почерневшим серебряным колечком, потерянным совсем молодой женщиной или даже девочкой. Соскочило оно с пальчика, закатилось в щель под половицу или затаилось в траве под облачком незабудок. И никто ничего не узнает о той девушке, что проливала слёзки, а колечко земля вытолкнула на грядку с капустой спустя пять или даже шесть столетий.

Основу экспонируемой коллекции составляли глиняные миски, горшки от мала до велика, урыльники, деревянные скалки, ухваты, утюги, самовары, и на эти уцелевшие подлинники взирали с тусклых фотографий на стенах бородатые дядьки в сюртуках, старухи с платочками в руках, семейство, выстроенное в два ряда, – все серьёзные, с вытаращенными от напряжённого ожидания глазами, все потерявшие свои имена. Одна старуха в чёрном кружевном платке злобно следила за резным дубовым буфетом, не иначе как её бывшим, экспропрированным, где прятала от домочадцев и сахар, и варенье, и баранки, со щелчком поворачивая ключик в каждой дверце, превращая буфет в монолит, в несокрушимую крепость.

С будущим в музее бесцеремонно расправились, выбросив ползущие вверх выцветшие графики удоев и намолотов, развесив посвободнее оптимистично яркие рисунки детишек, но оставив фотографию нового района, представляющего из себя десять выстроенных строго

параллельно, но ныне уже полуистлевших пятиэтажных домов, куда переселилась львиная доля жителей городка...

* * *

– Ну и куда теперь? – Люська остановила машину посередине не пойми чего: то ли города, то ли деревни, то ли на площади, то ли на пустыре или месте выпаса уцелевших коз и коров, в обрамлении одноэтажных домов с палисадами. Темноту не рассеивали даже два фонаря, два светоча, отстоящих друг от друга на расстоянии выстрела. Да и кому нужны-то эти фонари: спят люди, почти все жители городка спят, и не только они, но и все обыватели до Уральского хребта и даже защитники Отечества: офицеры под боком у жён, на двухъярусных железных кроватях в казармах – солдаты, дневальный, обняв телефон, – и тот временами клюёт носом...

Рома молчаливо присоединился к безмятежно спящему российскому большинству. Его можно было пинать, бить, трясти, что Коля и делал с нарастающим усердием из-за отсутствия какого-либо намёка на реакцию: ни чуть заметной дрожи век, изменения дыхания, ни, тем более, сопротивления.

– Мешок с дерьмом, – Коля в сердцах отбросил математика на сиденье.

– Ты хоть скажи, на хрена мы припёрлись сюда?

Коля сердито засопел: никак не верилось, что этот сонный, подслеповатый городишко вот-вот накроет катастрофа и, может быть, даже вселенского масштаба. Но математик дрыхнет, не спросишь, придётся ждать, когда его ясный ум протрезвеет. А если это случится слишком поздно?

– Всё. Спать с тобой и с этим, – Люська кивнула в сторону Ромы, – в одной машине у меня нет желания.

– То есть? – насторожился Коля, предположив для себя подзаборный вариант.

– Ну, кто-то сдаёт койки...

– А где узнать?

– А «24 часа» на что? – нашла выход Люська.

– Здорово придумала. Иди спрашивай, а я теоретика поберегу. Я к нему пересяду.

Коля перебрался на заднее сиденье, придав Роме сидячее положение, поудобнее и потеплее устроился на теоретике; соло баритонального тенора переросло в дуэт с басом-октавой. Коля, возможно бы, проспал и до утра, но во сне он остро почувствовал пустоту в салоне: Люськи нет, причём давно. Резко открыв глаза, он убедился: да, точно, нет.

– Куда эта коза делась?

Набрал Люськин номер – в ответ раздался звонок на сиденье впереди.

«Она что, ещё и мобилу забыла?» – вытащив её телефон и убедившись, что вызов с его номера, Коля положил мобилу рядом с собой и принялся за академика: тряс и лупил его от бессилия, вымещая зло от невозможности принять идиотскую ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.